

Валдайские записки

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

№ 86

Соперничество
великих держав
в XXI веке

Майкл Кофман

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Июнь, 2018

Об авторе

Майкл Кофман

Старший научный сотрудник Центра военно-морского анализа (СНА), научный сотрудник Института Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона (США)

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если
явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Система международных отношений, сложившаяся после окончания холодной войны, вступила в переходный период: трансформируется баланс сил, происходят перемены в основах, на которых зиждется мировой порядок. Современные державы, будь то правящие гегемоны, остающиеся великими державами, или средние по силе страны, привносят разное видение мира в свои стратегии. Другими словами, положение той или иной державы на международной арене определяет её поведение. Соединённые Штаты, оказывающие доминирующее влияние в системе международных отношений, опасаются перемен, так как им есть что терять из-за появления новых держав, с которыми придётся считаться. Китай, быстро усиливающийся соперник, бросающий вызов мировой гегемонии США, несомненно, считает, что настало время возможностей – пришло его время. Параллельно с этим Россия, традиционная великая держава, остаётся неудовлетворённой текущим положением дел. Она озабочена своими слабостями и в то же время стремится состязаться с различными силами, формирующими международную среду.

Вероятно, самая важная и заметная перемена в мировой политике – это окончание периода, наступившего после завершения холодной войны. В течение двух десятилетий однополярности, которая, по-видимому, продолжает иметь место, Соединённые Штаты распространяли либеральный мировой порядок, экспортируемый Западом. Точно так же европейские страны когда-то внедрились систему национальных государств по всему миру. Решения, принимаемые великими державами, то есть политика великих держав, по-прежнему остаются главным фактором формирования системы международных отношений и порядка в том виде, в каком он существует. Эти страны должны реагировать на развитие технологий, социальные изменения, военно-экономические тренды и, прежде всего, друг на друга. Подобные взаимодействия порождают стратегии, основанные на сравнительных преимуществах, конкурентные стратегии, обдуманые и неожиданные подходы, а также новые политические союзы и объединения. Хотя средние по размеру и мощи державы остаются важными игроками, косвенно поддерживающими мировой порядок, политика великих держав снова «правит бал».

Одна из самых ярких особенностей прошедшего периода – это видимое отсутствие в мировой политике конкуренции между ведущими государствами. Соединённые Штаты стали править в качестве сверхдержавы на фоне временного ослабления России, которая взяла паузу и отстранилась от активного влияния на европейские дела, в то время как Китай

только начал восхождение на Олимп великих держав. Сегодня Вашингтон признает, что достигнут переломный момент, поскольку как в Стратегии национальной безопасности, так и в Национальной оборонной стратегии США делается существенный акцент на соперничество между великими державами, которые часто характеризуются как ревизионистские силы. США сталкиваются с двумя главными вызовами. Один исходит от России, стремящейся закрепить за собой привилегии статуса великой державы, а также к ревизии мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны, с тем чтобы её интересы принимались во внимание. Второй вызов исходит от Китая, и он гораздо серьёзнее, поскольку эта страна фактически претендует на лидерство в мировом порядке вследствие структурного сдвига в балансе сил. Пекин принимает переход от однополярного к биполярному миру или, возможно, даже к довольно несимметричной многополярной системе, где у него будет гораздо больше влияния и прав, чем у других. Вашингтон же, подобно другим доминирующим державам в истории, не жаждет делиться привилегиями и считает оба вызова угрозой для себя.

Конкуренция с Россией: возвращение холодной войны?

Хотя новую конфронтацию между Россией и США часто называют «новой холодной войной» или «холодной войной 2.0», по правде говоря, подобное толкование нередко порождается отсутствием лучших аналогий и вводит в заблуждение. Хотя словосочетание «холодная война» может казаться знакомым и подходящим, это по большому счёту неточное описание нынешней конкуренции между крупными державами на мировой арене. По своей сути холодная война была конкуренцией, обуславливаемой биполярной системой в ту эпоху, когда две сверхдержавы оказались доминирующими силами после окончания Второй мировой войны. Эти державы образовали конкурировавшие между собой союзнические блоки, разделившие Европу. США имели явное преимущество в экономической сфере, тогда как СССР обладал военным превосходством в Европе и относительным паритетом в гонке ядерных вооружений в последние десятилетия конфронтации. У обеих стран были универсальные экспансионистские идеологии, делавшие вышеупомянутую конкуренцию неизбежной не только на основании распределения сил, но и на основании разных идейных установок и вытекавшего отсюда идеологического соперничества.

Поскольку на европейском театре не происходило больших перемен на протяжении холодной войны, конфликт разворачивался больше в мировом масштабе, тем самым формируя мировую политику. Это привело к образованию мирового порядка, который был частью национальной стратегии США по сдерживанию и ограничению Советского Союза. То есть конфликт был не только движущей силой мировых событий, но также и стимулом для экспансии мирового порядка во главе с США, который приобрёл либеральный характер после распада СССР. Сегодняшняя конкуренция – это не следствие баланса сил или универсалистской идеологии как таковой, но результат сознательных решений, принимаемых лидерами, реализуемых ими стратегий и ряда поддающихся определению разногласий в мировой политике – она не была предопределённой или неизбежной. Хотя политическая риторика часто описывает геополитические конфликты в абсолютных терминах, текущий конфликт между Россией и Соединёнными Штатами имеет мало общего с неотъемлемым структурным конфликтом на почве идеологической борьбы или борьбы за власть.

ВВП России составляет около 3,3% мирового, то есть менее десятой части американского ВВП. С точки зрения обычных вооружённых сил она также существенно отстаёт от США как по совокупной «жёсткой силе», так и по расходам на оборону. Вкупе со своими союзниками – от НАТО в Европе до многочисленных других в Азиатско-Тихоокеанском регионе – США являются не просто самой могущественной страной в мире, но и лидером самой сильной коалиции союзников. Хотя ставки могут оказаться достаточно велики для США, масштаб и экзистенциальный характер конфликта не идёт ни в какое сравнение с эпохой холодной войны. Россия находится не в том состоянии, чтобы фундаментально изменить баланс сил в мире или структуру современной системы международных отношений. Одним словом, причины и характер этой конкуренции различны.

Несмотря на принципиальные отличия, имеются некоторые примечательные сходства с прошлыми конфликтами между великими державами – это прежде всего понимание изменений в балансе сил, на котором основывается мировой порядок. Соединённые Штаты распространяли либеральный мировой порядок с опорой на ряд политических, экономических и военных институтов в то время, когда другие великие державы фактически отсутствовали на игровом поле. По окончании периода внутренней балансировки (проведение военной модернизации и реформ в случае России) эти страны вполне естественно потребуют пересмотра правил и условий функционирования мирового порядка. Классические великие державы считают себя привилегированными гражданами системы международных отношений, где для них должны существовать особые правила, а для всех остальных – общие.

В течение многих лет в Вашингтоне существовал консенсус, что Россию и её национальные интересы можно «умиротворить» за счёт выгод, которые ей могла бы принести интеграция с Западом – тот путь, на который Москва искренне встала в первые годы после распада Советского Союза. Аналогичным образом считалось, что Китай станет «ответственной» державой, то есть безоговорочно согласится с американским лидерством и существующими условиями либерального мирового порядка. Эти расчёты оказались неверными, и этот факт теперь признается в Вашингтоне. Сегодня есть чёткое ощущение того, что пока США были заняты гамбитами на Ближнем Востоке, войной с терроризмом, контртеррористическими операциями и борьбой с различными повстанцами, на международной арене возобновилась большая политическая игра.

Прошлое — это лишь пролог

Вызов со стороны России заключается в требовании исключительных условий, положенных великим державам, закрепления за собой сферы влияния, как во время знаменитой Ялтинской конференции, разделившей Европу после окончания Второй мировой войны, а также в требовании формирования арбитража великих держав наподобие «Европейского концерта» 1815 года. Традиционно чем более великой является держава, тем больше исключений она требует для себя из тех правил и норм, которые обязательны для других стран в системе международных отношений. Аргументы России направлены прежде всего на обеспечение её региональных интересов на основе транзакционного взаимодействия с международным сообществом. Другими словами, речь не идёт о претензиях на лидерство в международной системе или о желании России вновь заявить о своих правах на былой великодержавный пьедестал. Напротив, российская геополитика носит однозначно локальный характер, равно как и непосредственные причины этой конкуренции. Однако это соперничество может иметь глобальные последствия.

Для России текущее противостояние — это вопрос её выживания как влиятельной силы в мировом порядке; это вопрос не только консолидации Российской Федерации, но и её влияния на пространстве бывшего СССР. Российские лидеры всегда стремились к экспансии для сохранения своих территориальных приобретений. Сегодня они отчаянно пытаются не допустить дальнейшей фрагментации российского влияния и самой территории России. Хотя Советский Союз распался более 20 лет назад, шоковые волны от краха той империи ощущаются до сих пор. Восприятие Россией собственной уязвимости многократно обострилось после краха СССР, и стремление сохранить влияние на стратегическую ориентацию соседних стран больше объясняется желанием предотвратить дальнейший распад, нежели возродить былую мощь.

Москва также до сих пор не завершила свой пост-имперский переход — процесс, занимавший обычно несколько десятилетий у других держав, таких как Великобритания и Франция. Отчасти Россию сбивает с толку тот факт, что её имперские владения представляют собой один сплошной материковый и географически цельный массив суши, тогда как колонии других империй находились на удалённых островах и берегах. Это неизбежно затрудняет принятие российскими лидерами, становление которых происходило в эпоху СССР, факта независимости бывших республик. В то время как лидерам

этих стран трудно доверять Москве и её намерениям. Существуют также многочисленные вопросы наследия, окрашивающие отношения между странами-преемницами Советского Союза. Некоторые из них стремятся к реинтеграции, в то время как другие – к «разводу».

Ключевые движущие силы российской стратегии также прямо противоречат желанию Вашингтона иметь «единую, свободную и мирную Европу», а также европейскому плану расширения ЕС. Россия обманчиво велика, но в действительности у неё нет стратегической глубины в Европе, где сосредоточена большая часть российского населения и инфраструктуры. Посредством многочисленных дорогостоящих войн Москва всегда стремилась иметь буферные государства, отделяющие её от других крупных держав, либо опираться на военно-политический блок в Европе. Потребность в таком подходе усилилась после Второй мировой войны. Российское руководство приняло решение, что Россия больше никогда не позволит крупномасштабной индустриальной войне развернуться на своей земле, а также не позволит буферным европейским странам переходить на сторону усиливающегося противника. Фактически это означало, что Москва будет всегда стремиться влиять на стратегическую ориентацию соседних стран и требовать сохранения буферных государств ради своей безопасности.

Реализация Москвой подобной внешнеполитической стратегии привела к естественному для мировой политики конфликту между российскими требованиями безопасности, желанием Запада развивать военно-политическую архитектуру в Европе и интересами таких стран, как Украина. Некоторые бывшие советские республики пытаются поддерживать сотрудничество и с Россией, и с западными государствами, тогда как другие однозначно хотят выйти из орбиты Москвы и освободиться от её опеки. Маневрирование и политические махинации неизбежно создают трения, ведут к ошибочному восприятию и даже, как это наиболее наглядно видно на примере Грузии и Украины, могут привести к войне. Желание России иметь буферные страны и свою сферу влияния несовместимо с желанием Запада расширять НАТО и Европейский союз дальше на восток, на территорию бывших советских республик. Этот конфликт интересов можно разрешить только по обоюдному согласию, за счёт компромиссов или посредством войны. Попытки России интегрироваться в западный мир и либеральный мировой порядок не избавили её руководство от такого восприятия угроз и требований обеспечения безопасности.

Одна из главных проблем в требованиях России заключается в том, что они исходят из давнего убеждения, будто Россия – генетически великая

держава и, таким образом, заслуживает подобных привилегий, хотя объективно она намного слабее Соединённых Штатов. Исторически Россия всегда была слабой великой державой, которую трудно объективно оценить, но её нынешние претензии на большее влияние не подкрепляются соответствующей экономической силой или влиянием. Россия заметно отстаёт по тем критериям, которые принципиальны для Запада, и нет союзников, которые бы подтверждали её влияние. Следовательно, важный аспект этой конкуренции – попытки Москвы доказать, что её военная мощь, один из показателей силы, наиболее актуальный для классических великодержавных амбиций, остаётся недооценённой. Россия может не только навязывать свою волю на постсоветском пространстве, но и успешно проецировать силу на соседние регионы, как она это сделала во время военной кампании в Сирии.

В этом смысле Москва достаточно убедительно доказала, что она недооценена Соединёнными Штатами, которые по большому счёту игнорировали усилия России по восстановлению армии как дееспособного инструмента национальной силы и мощи. В целом у Запада имеется заметная предвзятость в отношении экономической, политической и демографической жизнеспособности России, и в этом смысле успехи Москвы не впечатляют, в отличие от военной силы, которая, возможно, сегодня является неактуальным, но, тем не менее, важным показателем силы и влияния в системе международных отношений. Таким образом, Россия была вынуждена использовать те рычаги, которые у неё есть, чтобы компенсировать те, которые отсутствуют.

Желание России пересмотреть архитектуру безопасности в Европе игнорировалось по одной простой причине: у Москвы не было оснований для выдвижения подобных требований. Она была слаба и, что важнее, без того была связана многочисленными договорённостями как страна-преемница СССР. США и Запад в широком смысле этого слова принципиально отказываются предоставить Москве великодержавные привилегии в современном мировом порядке: не только из-за политической идеологии, но также потому, что с их точки зрения Россия этого не заслуживает по причине экономической слабости. Претензии России на многополярность и полицентризм объективно плохо стыкуются с фактическим распределением силы в системе международных отношений, которая была решительно однополярной, а теперь может стать биполярной. Именно поэтому попытки России договориться о кондоминиуме великих держав постоянно терпят провал. Соединённые Штаты не готовы принять подобные идеи, а европейские страны уже не мыслят такими категориями, поскольку давно отказались от политического реализма.

Исходя из вышесказанного, понятно, что Россия достаточно сильна, чтобы бросить вызов Западу, и сегодня пытается доказать, что она более могущественна, чем Запад это раньше признавал. Российские лидеры полагают, что с их интересами необходимо считаться, тем более что они не глобальные, а региональные в своей основе; и они требуют пересмотра имеющихся соглашений в области европейской безопасности. По оценке Запада, Россия – это возрождающееся государство, но её сила держится на хрупкой основе. Поскольку США считают Россию великой державой в упадке, у них мало стимулов для пересмотра основополагающих столпов, на которых зиждется мировой порядок, или для корректировки своих геополитических амбиций. Таким образом, Россия нарушила статус-кво, но на неё смотрят скорее как на «великодержавного спойлера», чем на страну, способную бросить реальный вызов.

Третий элемент в этой конкуренции остаётся идеологическим. Несмотря на то, что после распада Советского Союза универсальная коммунистическая идеология канула в лету, конфликт между демократией и автократией никогда не был чисто политическим. В условиях отсутствия в течение двух десятилетий держав, которые бы оспаривали американское влияние, Вашингтон воспользовался ситуацией, чтобы выстроить и распространить на весь мир удобный для себя мировой порядок. После окончания холодной войны он становился всё более идейно-политическим по своей сути. Холодная война осталась в прошлом, но вера Америки во универсальную праведность либеральной гегемонии только усиливалась. Причина проста: холодная война продемонстрировала неполноценность и неубедительность советской идеологии, что привело многих к прагматизму и цинизму, в то же время укрепив веру американцев в универсальности либеральной демократии. Политический либерализм как таковой стал больше похож на богословие, во многих отношениях подменив собой искусство государственного управления, стратегию и международную политику. Хотя российские лидеры могут полагать, что за политическими лозунгами Запада скрывается циничный прагматизм, в действительности это удручающее и некорректное зеркальное отображение собственных приоритетов. Вашингтон управляется глубоко идеологическим политическим консенсусом, верой в то, что Соединённые Штаты находятся на правильной стороне истории – тем, что Тимоти Снайдер изящно называет «политикой неизбежности».

Сегодня Запад весьма идеологичен, и его идеология крайне нетерпима к автократиям, которые не желают подчиняться либеральному порядку, или анократиям, таким как Россия. Проблема больше в том, что российская политическая система не просто нелиберальна, но антилиберальна. Она есть

живое воплощение критики либерализма Карлом Шмидтом, поскольку стремится к суверенитету при принятии решений и исключительности в проведении внутренней и внешней политики. Идейный компонент этого конфликта как таковой всё ещё малопонятен, но у России определённо есть политическая идеология, которую Запад находит неприемлемой. На Западе упадок либерализма в Европе ассоциируют с конкуренцией со стороны России, которая видится причиной этого упадка. В центре этой озабоченности по поводу отката от демократических завоеваний находятся два современных постулата либеральной политической идеологии: ожидание устойчивой либеральной гегемонии и теория демократического мира.

Таким образом, хотя Москва и может предполагать, что в конфликте вокруг Украины или в Сирии не затрагиваются жизненно важные интересы США, на самом деле это неверная трактовка конкуренции. Это соперничество бросает фундаментальный вызов некоторым исходным предпосылкам западной политической идеологии и поднимает неудобные вопросы о будущем мирового порядка. В то время как Москва озабочена тем, сумеет ли она сохранить и защитить то, что осталось от «российской империи», стремясь к признанию в качестве великой державы, которая заслуживает почётное место за столом, где вершится судьба международной системы, вызов для США также куда более стратегический, чем можно предположить, если взглянуть на непосредственные причины конфликта. Центральный вопрос в этом соперничестве: смогут ли США остаться лидером мирового порядка после утраты своего первенства, и останется ли нынешняя система международных отношений неизменной, если она не будет подкреплена однополярностью.

Это не означает, что Россия каким-либо образом станет важным центром в системе международных отношений или что США вступает в стадию упадка. Однако нынешний мировой порядок основывается на преобладающей мощи США и отсутствии конкуренции со стороны других держав. Этот период истории совершенно точно подошёл к концу. Конкуренция между великими державами может оказаться невероятно разрушительной и пагубной для мирового порядка, если державы будут ставить свои интересы (что они обычно и делают) выше институтов и договоров, существующих в этой системе. Подобные махинации разрушили «Европейский концерт» и мировой порядок после Первой мировой войны. По крайней мере, очевидно, что ни Россия, ни Китай не поддержат либеральный характер мирового порядка или политическую идеологию, которой Вашингтон пытался наполнить эту систему. Как таковой либерализм в системе международных отношений сталкивается с сильными встречными ветрами, и обращение вспять достижений демократии представляется почти неизбежным.

Вызов со стороны Китая

Хотя Китай пока существенно отстаёт от США по расходам на оборону, китайский ВВП уже превысил американский, если считать по паритету покупательной способности. Конечно, это лишь один из пунктов, но совершенно ясно, что по большинству макроэкономических показателей Китай будет соперничать с США в ближайшие десятилетия и, скорее всего, обгонит их. Пекин использует экономическую силу в качестве рычага внешней политики, стремясь обезопасить поставки нужных для его экономического роста ресурсов посредством инвестиций в добычу полезных ископаемых во всем мире, в инфраструктуру их доставки, а также в развитие других стран. Наряду с реализацией многочисленных проектов в Африке, Южной Америке, Средней и Юго-Восточной Азии, Китай также демонстрирует, что смотрит на мир исключительно через призму геоэкономических и геостратегических интересов. Поначалу проявлявшие осторожный оптимизм, Соединённые Штаты больше не рассматривают усиление Китая с позитивной точки зрения, все больше расценивая влияние Китая на систему международных отношений как игру с нулевой суммой.

Причина опасений Америки весьма прозрачна: Китай всё меньше напоминает обычное успешное национальное государство, стремящееся к участию в существующем мировом порядке – он больше похож на страну, бросающую вызов нынешней системе и претендующую на лидерство. Объявленная политика «Один пояс, один путь» видится как ещё одно доказательство китайских геополитических амбиций, равно как и желание сделать свою национальную валюту мировым конкурентом доллара США. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – очередной пример множества экономических и политических структур, создаваемых Китаем. Хотя они считаются частью мирового порядка, эти структуры не иницированы Соединёнными Штатами и не находятся под их контролем. Как таковая политика Китая размывает доминирование западных институтов и организаций, обескровливает некоторые процессы, такие как развитие человечества на базе политических или идеологических условий, а также даёт Пекину веские основания требовать для себя больше прав в системе международных отношений.

Эта политика сопровождается существенным сдвигом в относительном экономическом балансе сил и в проявлении активности между Европой

и Азией. На самом деле экономическая и демографическая мощь американских союзников в Европе уже давно ослабевает и всё больше отстаёт в сравнении с союзниками США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти диспропорции значительно усиливаются из-за существенной разницы в расходах на оборону и доли ВВП, идущей на укрепление обороноспособности. Доля европейских стран в глобальных расходах на оборону неуклонно снижается. Если в мировой политике есть такое понятие как центр повышенной или нарастающей экономической и политической активности, то он неуклонно смещается в направлении Азии.

Экономическая основа растущей китайской мощи очевидна, как и неизбежная перемена в балансе сил в системе международных отношений. Однако наибольшее внимание привлекают военные расходы Пекина. Всё было бы иначе, если бы Китай стремился быть экономически сильной державой, опирающейся на союзы, но слабой в военном отношении, наподобие современной Германии. Но это решительно не так. Китай демонстрирует классические великодержавные амбиции, прежде всего стремясь максимизировать собственную безопасность по отношению к соседям и, несомненно, за счёт других, а затем — умело использовать это для достижения региональной гегемонии. Китай стремительно трансформирует экономическую силу в военную мощь. Неотъемлемой частью этих усилий стала военная реформа и модернизация Китая, уменьшение размеров и роли армии и больший акцент на других инструментах проецирования силы. Военная конкуренция усиливается на фоне резкого смещения в последнее десятилетие баланса сил в регионе из-за влияния Китая.

В центре этой конкуренции — дилемма безопасности, созданная внутренней балансировкой, то есть военной модернизацией и экспансией одной державы в регионе с уже имеющейся сетью альянсов. Такой исход нельзя считать неизбежным, но китайское политическое руководство ведёт себя неразумно и проявляет близорукость, не зная, как управлять вновь обретенной силой, и как сигнализировать другим о своих намерениях. Китай склонен повторять многие стратегические ошибки вильгельмовской Германии, которые та совершала перед Первой мировой войной. Первой ошибкой были угрозы в адрес соседей по региону. Китайские политики ошибочно полагают, что это вынудит их защитить себя посредством заключения союза с усиливающейся державой. Вторая ошибка заключалась в строительстве большого военно-морского флота (ВМФ) по настоянию Альфреда фон Тирпица, что неизбежно сделало Германию экзистенциальной угрозой для Великобритании, ведущей морской державы той эпохи. Москва также не отличается стратегической прозорливостью в этом отношении, угрожая большей части ближнего

зарубежья и Европе вследствие неправильного истолкования преобладающих в системе международных отношений тенденций.

«Политика девяти пунктов», которую Китай проводит в Южно-Китайском море, сигнализирует соседним странам о реваншизме и ревизионистских амбициях Пекина, в результате чего растущая мощь Китая воспринимается как угроза. Здесь важно вспомнить, что страны в целом уравнивают не силу, а угрозы, и, следовательно, ключевым моментом является восприятие одной страны другой. С учётом не столь забытой истории Второй мировой войны обиды и восприятие угрозы не только остаются, но и могут быстро возродиться между соседями. Ещё в 2013 году США не видели вызова со стороны России, но быстро и резко изменили свою оценку после событий на Украине в 2014 году. По этой же причине военная модернизация Китая также видится главной угрозой американскому доминированию и безопасности союзников США в регионе.

Решив инвестировать экономическую мощь в создание большого ВМФ для проецирования силы, включая строительство десантных вертолётоносцев, авианосцев и эсминцев, Китай сделал серьёзный стратегический выбор. То же самое решение предопределило будущее Германии примерно 100 лет назад, когда она решила примерить на себя мантию морской сверхдержавы своего времени. Естественной реакцией Великобритании стало создание серии балансирующих блоков, которые были с энтузиазмом встречены соседями Германии, напуганными её военной мощью и обеспокоенными её воинственным поведением. Япония тоже придавала слишком большое значение теориям адмирала Мэхэна о роли военно-морской державы, строя капитальные корабли и большой ВМФ, что в конечном итоге привело к конфликту с США. Похоже, что уроки Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания Японии сегодня подзабыты в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, Китай уже совершил некоторые ошибки, чреватые последствиями и типичные для усиливающихся держав, обречённых на чрезмерную экспансию, в результате которой они оказываются в окружении недружественных соседей. В данном случае Пекин начал военную, политическую и экономическую конкуренцию с США за доминирование, которая окажется главным стимулом для мобилизации вашингтонского истеблишмента в грядущие годы. Япония встала на тот же путь в конце 1930-х годов. Эта конкуренция сегодня открыто кодифицирована в американских документах по национальной безопасности, а также прослеживается в более жёсткой линии, недавно выразившейся в заградительных пошлинах против китайских товаров, хотя такая политика не была неизбежной.

К соперничеству за военное превосходство в Азиатско-Тихоокеанском регионе добавляется более открытый конфликт в экономической области. В некотором отношении эта конкуренция может оказаться более серьёзным вызовом для США, чем брошенный в своё время Советским Союзом, который всегда был гораздо более слабой державой в экономической сфере. Хотя Китаю не хватает привлекательной идеологии, у него есть необходимый потенциал для того, чтобы сравняться Америкой по экономической мощи и долгое время соперничать с Соединёнными Штатами во многих регионах мира.

Решение Китая инвестировать в создание портовой инфраструктуры ближе к Европе и военные сигналы посредством проведения совместных учений с Россией – это послание Китая всему миру о его намерении осуществлять великодержавное проецирование своей мощи. Китай хочет, чтобы его корабли были видны в Европе, в Средиземном море и в Персидском заливе. Это также будет воспринято Вашингтоном как явная угроза длительному доминированию Америки в мировом океане с целью обеспечения безопасного пользования общим достоянием. Несмотря на публичную дипломатию Китая, стремящегося изобразить свои амбиции как благородные, безвредные или взаимовыгодные, неясно, отнесутся ли средние державы положительно к усилению Китая. С одной стороны, большинство стран естественно ищут альтернативу США – хотя бы для того, чтобы хеджировать свои риски, вести двухуровневые политические игры и иметь возможность пространство для манёвра в переговорах. Однако Вашингтон добился замечательных успехов в деле укрепления своего имиджа как доброжелательного мирового гегемона, таким образом продлевая период однополярного мира и не допуская появления каких-либо балансирующих альянсов. Китай будет испытывать на себе большое давление, чтобы воспроизвести подобный успех, особенно с учётом его старта, не внушающего большого оптимизма.

В отличие от Европы, где у членов НАТО по сути нет альтернативы кроме присоединения к этому альянсу, в Азиатско-Тихоокеанском регионе конкуренция гораздо выше, и он менее стабилен в смысле формирования союзов. С одной стороны, альянсы в этом регионе создаются по звездообразному принципу, когда все страны вступают в альянс с США, но вовсе необязательно развивают союзнические отношения друг с другом. У них также есть варианты для хеджирования рисков, и, если Китай станет достаточно сильной державой в военном отношении и более выгодным партнёром в экономическом плане, они могут пересмотреть свои стратегии. Хотя между Россией и США нет конкуренции за союзников, в усилении Китая кроется потенциал пересмотра политики заключения альянсов. В Европе также нет независимых средних держав, хотя это во многом зависит от оценки роли

Турции. Кроме того, есть ещё одно измерение конкуренции с Китаем зависящее от стратегии, которую выберет Индия.

Политика и стратегия независимых средних держав может меняться под влиянием выбора великих держав. Нельзя исключать, что со временем Индия сама станет великой державой, и ей придётся выбирать, с кем строить союзнические отношения: с США или Китаем. Средние державы будут одним из объектов конкуренции между великими державами в XXI веке, поскольку США и Китай соперничают за лидерство. В последние десятилетия у них не было выбора. Существовала лишь американская гегемония в укрепляющемся либеральном мировом порядке и... американское лидерство. От того, как успешно великие державы смогут «продавать себя» в качестве безобидных гегемонов, не угрожающих безопасности других стран и формулировать прагматичное представление о своей роли в системе международных отношений, будет зависеть снижение напряжённости в мире и вероятности появления новых уравнивающих друг друга коалиций. До сих пор они не добились в этом больших успехов, что даёт США существенные сравнительные преимущества. Являясь самой могущественной военной державой в мире с точки зрения обычных вооружений, Америка часто воспринимается как наименее опасная держава.

Стратегии сравнительного преимущества: кейс России

Сравнительное преимущество России — это историческая устойчивость и выживаемость в системе международных отношений. Долгосрочные индикаторы тенденций дальнейшего развития неоднозначны. Несмотря на большую зависимость от добычи и продажи полезных ископаемых, Россия продолжает оставаться на плаву, и даже при вялом росте ВВП на уровне 1,5% (что фактически является стагнацией) она всё же может долгое время оставаться конкурентной. С учётом своего нынешнего бюджета Россия может поддерживать расходы на оборону на уровне 2,8% ВВП как минимум в течение ещё одного десятилетия. Уже имеются данные о том, что Россия фактически отказалась от запланированного сокращения расходов на оборону, урезав лишь необоснованные закупки.

Демографическая картина также сложна и неоднозначна. Хотя ежегодно сотни тысяч людей покидают рынок труда, и число людей трудоспособного

возраста год от года сокращается, ожидается рост числа мужчин призывного возраста. Демографические проблемы России обострятся в начале 2030-х годов, а это значит, что Москва способна легко поддерживать конкуренцию или конфронтацию как минимум ещё десять лет. К тому же Россия является рынком труда для жителей бывших республик Советского Союза, получая преимущества от миллионов иностранных работников и большого внешнего резерва рабочей силы, что делает её третьей или четвертой страной мира по объёму ежегодного притока трудовых мигрантов. Следовательно, у России есть политические рычаги для сдерживания демографического упадка, хотя это чревато проблемами, связанными с социальной стабильностью, национальной идентичностью и т.д.

Оборонная промышленность, несмотря на годы задержек из-за беспорядочного «развода» с оборонной отраслью Украины и тот факт, что процесс этого размежевания пока полностью не завершён, продолжает восстанавливаться и становится независимой от внешних обстоятельств. России нужно также избавиться от зависимости от Белоруссии в этой сфере. Наука и технологии оборонно-промышленного комплекса остаются одним из преимуществ России, несмотря на признанную «утечку мозгов» и нескольких десятилетий бегства капитала до принятия государственной программы перевооружения на 2011–2020 годы. У России по-прежнему имеются ноу-хау и технологии для производства передового оружия, а поступательная реализация военных реформ, наряду с внушительной программой закупок, обеспечат мощь её вооружённых сил на протяжении 2020-х годов. Будущее после следующего десятилетия остаётся туманным, поскольку неясно, будут ли у России экономические ресурсы для разработки, испытания и развёртывания следующего поколения вооружений, а также производственные технологии, необходимые для того, чтобы идти в ногу с развивающимися методами ведения современных войн. Хорошая новость для России заключается в том, что по крайней мере на протяжении последнего года цены на углеводороды устойчиво росли, что позволяло России реинвестировать в свои резервы и поддерживать расходы на оборону. Российский бюджет был рассчитан исходя из цены 40 долларов за баррель, в то время как фактически средняя цена за баррель составила 55 долларов.

Россия сделала ставку на основные элементы военной мощи, которые ей нужны для прямой конкуренции, посредством инвестиций в обычные и ядерные вооружения. Но она также добилась успехов в косвенной конкуренции, то есть в невоенных или «неактивных» сегментах. Сегодня становится очевидным, что, хотя большое внимание уделяется традиционному военному балансу в Европе и существенному нестратегическому ядерному

потенциалу России, представляющему собой первую из замещающих стратегий, на первый план выходит не прямое противостояние.

Непрямая конкуренция – это разновидность политической, экономической и информационной войн, которые стали возможными благодаря развитию различных механизмов в глобальных средах, под которыми подразумеваются кибервойны, соперничество в космосе или под водой, поскольку от них зависят современные телекоммуникации. Международные финансы, мировая торговля, банковский сектор и арбитраж – это те среды, в которых также развёртывается конкуренция и конфронтация. Равно как и использование права в качестве оружия (lawfare) – одной из немногих разновидностей непрямого противостояния, где Запад пока имеет явные преимущества. Россия действительно использует преимущества в политической и информационной войне, включая нетрадиционные подходы к противостоянию. Однако она не способна эффективно использовать правовые средства ведения конфликта и оценить потенциальные долгосрочные издержки ведения экономической войны: в этих сферах США действуют гораздо увереннее и предпочтительнее.

Прямая и непрямая конкуренции отличаются друг от друга, но они неразделимы. Разделять их значит создавать ложную дихотомию. Именно возрождение военной мощи позволило России взять на вооружение силовую дипломатию и использовать в качестве рычага менее дорогостоящие инструменты, такие как политическая война или неконвенциональные операции для получения выгод в системе международных отношений. Одно является главным источником для другого, и оба инструмента сдерживают резкую ответную реакцию со стороны противников, неся в себе существенные риски эскалации и одновременно оказываясь полезным инструментом принуждения. Во время конфликтов на Украине и в Сирии Россия продемонстрировала, что традиционная военная сила и ядерное оружие играют важную роль, влияя на решения, принимаемые противником, в то же время усиливая другие инструменты для достижения политических целей. Как доказывает практика ведения современных конфликтов, зачастую жёсткая военная и экономическая сила неразумно растрачивается в погоне за геополитическими преимуществами, в результате чего разыгрываемые гамбиты нередко приводят к увязанию в трясине, когда последующие расходы и траты дают всё меньшую отдачу.

Таким образом, российская стратегия сродни политическим и экономическим набегам с целью принудить Соединённые Штаты к кондоминиуму великих держав, чего Москве до сих пор не удалось добиться. Россия рассчитывает оставаться под боком США в качестве бунтовщика в системе

международных отношений настолько долго, чтобы появление более серьёзного вызова со стороны Китая убедило Вашингтон пойти на сделку. В некотором отношении Россия поменялась ролями с Китаем периода 1960-х и 1970-х годов.

Для реализации этой стратегии Россия сделала ставку на опосредованное участие в конвенциональных боевых действиях и контроль над эскалацией посредством нестратегических ядерных вооружений, считая, что подобное сочетание даст возможные варианты для сдерживания Соединённых Штатов. Это имеет место в точках с достаточно узкой асимметрией интересов, таких как Сирия, где Россия балансирует на грани войны.

Ещё один элемент российской стратегии — стремление к альянсу с Китаем. Несмотря на политические и экономические инициативы, а также растущее военное сотрудничество, в реальности альянсы формируются в основном в ответ на угрозы или озабоченность по поводу безопасности. По сути, такой альянс могут инициировать только США, если они будут угрожать обеим странам в их соответствующих регионах. Великие державы с недоверием относятся к альянсам и не предрасположены к их заключению, что вполне логично, поскольку любой союз подразумевает ограничение суверенитета, а также накладывает существенные обязательства. Только США и их внешняя политика может подтолкнуть Россию и Китай к заключению союза в случае, если относительная конкуренция между этими державами и Вашингтоном будет намного острее двусторонних споров.

Вашингтон удваивает усилия

Очевидно, США активно работают над формулированием адекватной стратегии. Американский политический истеблишмент многочислен: в нём много надуманной тематики, размытых интересов, а также множество голосов, влияющих на процесс принятия решений. Складывается впечатление, что никто ни за что не отвечает, или что все в ответе за всё, но Вашингтон изредка производит впечатление организации, осуществляющей продуманную стратегию. Несмотря на это, демократии исторически успешнее избегали перенапряжения, корректируя свой внешнеполитический курс. Размытые интересы затрудняют задачу картелей или внешнеполитических фракций по объединению с целью проведения курса, часто противоречащего их непосредственным интересам. Хотя США остаются идейно привержены

общему видению в отношении системы международных отношений, они чётко понимают и признают, что конкуренция между великими державами, межгосударственные конфликты, сдерживание и понуждение снова занимают центральное положение в дебатах о стратегии. Ближний Восток остаётся сильным отвлекающим раздражителем и стратегической помехой, от которой Вашингтону никак не удаётся полностью избавиться.

В первую очередь США сосредоточены на том, чтобы вновь как можно убедительнее заявить о своём превосходстве в сфере ведения боевых действий, на сохранении благоприятного расклада сил в регионах по отношению к главным соперникам, а также на усилении сети альянсов. На самом деле у Соединённых Штатов есть все преимущества, но им также приходится защищать огромную геополитическую область. До сих пор у вашингтонского истеблишмента не было желания определять свои интересы, в том числе торговые, и решать, что он будет защищать любой ценой, а от чего может отказаться. В своё время Фридрих Великий точно определил одну из главных стратегических проблем, с которой сегодня сталкиваются США: «Тот, кто защищает всё, не защищает ничего». Соединённые Штаты по-прежнему намерены защищать всё, что они построили в период больших возможностей, то есть нескольких десятилетий однополярного мира.

США сохраняют колоссальные преимущества в экономических, военных и дипломатических ресурсах. Это и военный бюджет в размере более 600 млрд долларов, который превосходит военные бюджеты всех соперников и союзников вместе взятых. Научные исследования и разработки остаются ещё одним преимуществом США, равно как и их способность контролировать общее достояние человечества. Америка — это мировая сверхдержава с разветвлённой инфраструктурной сетью, позволяющей ей проецировать традиционную военную силу в большинстве мест на планете и обеспечивать надзор за большей частью мировой торговли, осуществляемой по морю. Огромная сеть альянсов обеспечивает логистику, географию и оборонно-техническое сотрудничество, которое нужно Америке для сохранения превосходства, если не гегемонии. Первоначальной реакцией было удвоение усилий для достижения военного превосходства, чтобы переиграть Китай, исходя из того, что многие приобретённые возможности точно также пригодятся в гипотетическом конфликте с Россией. Проблема с нехваткой ядерных вариантов военных действий из-за добровольного разоружения, как уже было объявлено в «Обзоре состава и количества ядерного оружия 2018» (Nuclear Posture Review 2018), будет разрешена. В построении глобальных вооружённых сил главный акцент между тем будет сделан на гибкости и устойчивости.

США также переформатировали себя из чистого импортёра и потребителя энергоносителей в их экспортёра. Благодаря добыче сланцевой нефти и газа США стали энергетической державой, которая сможет в будущем формировать энергетические рынки. Добыча энергоносителей американцами может стать серьёзной проблемой для экономик, зависящих от энергетического экспорта, таких как Россия, поскольку США смогут предложить альтернативы потребителям, зависимым от российских поставок. Вашингтон может также стимулировать общее подавление энергетического рынка, чтобы задуть экономику своих противников, таких как Иран и Россия. Подъём производства сланцевой энергетики в США также может дать им большую свободу действий на Ближнем Востоке, поскольку они смогут выбирать себе союзников для взаимодействия, не стремясь обеспечить безопасность поставок энергоносителей из этого региона.

Таким образом, путь, которым идёт Вашингтон, преимущественно состоит в наращивании возможностей прямой конкуренции посредством обычных и ядерных вооружений, стремлении к новым технологиям и созданию потенциальных противовесов. Вашингтон будет стремиться противодействовать тем мерам и способам воздействия, которые реализуют Россия и Китай, в качестве рычага в попытке заставить эти страны платить по счетам используя своё лидирующее положение в системе международных отношений. У США имеется силовое превосходство над Россией в экономической войне и использовании правовых механизмов, однако над Китаем это преимущество незначительно. Исход конкуренции с Китаем будет во многом зависеть от региональных союзников, таких как Япония и Южная Корея. Они должны помочь в нейтрализации растущей китайской военной мощи. Вместо того, чтобы спекулировать на интересах или искать компромиссы, Соединённым Штатам необходимо упорно работать над тем, чтобы «строить» новых партнёров, таких как Индия. Недостаток американской стратегии прямой конкуренции состоит в том, что США могут извести и истощить себя, постоянно концентрируясь на экономических вызовах со стороны Китая, России и стран-изгоев, вроде Ирана и Северной Кореи. Конкуренция разворачивается между этими странами и Вашингтоном, при этом они не конкурируют друг с другом.

Вашингтон признаёт, что средние державы — один из ключей для поддержания лидерства в системе международных отношений, с помощью которого можно воспользоваться стратегическими просчётами неприятелей, например, России или Китая. Американская мягкая сила и привлекательность её идеологии также дают США существенные преимущества над Москвой и Пекином. Представляется, что модели социально-политического развития

Китая и России не считаются слишком привлекательными где-либо за пределами этих стран, при этом они и не особо заинтересованы в экспорте своих моделей развития. Проблема России и Китая заключается в том, что они ведут себя цинично и исключительно по-деловому в системе международных отношений, что можно считать недостатком в глазах Запада. Американская мягкая сила лежит в основе альянсов и коалиций, смягчая одностороннее применение силы, и в целом поддерживает отстаивание интересов за рубежом с меньшими трениями. России и Китаю, похоже, нравится плыть против течения.

Китай — геополитический бульдозер

План Пекина состоит в неуклонной экспансии и проецировании силы, чтобы утвердиться в роли регионального гегемона и мировой державы, имеющей равное с США право голоса в системе международных отношений на основании определяющих факторов жёсткой силы. Китай пользуется большими преимуществами своего географического положения и современных военных технологий, тогда как США играют роль прибрежного балансира. Американские войска, базирующиеся в Японии, уже испытывают значительное напряжение, стремясь поддерживать региональный баланс сил. Китай использует современные технологии геоинженерии и творческий ревизионизм, создавая искусственные острова для захвата морской акватории, а также буферное морское пространство между своей территорией и американской военной армадой.

Основной элемент китайской стратегии — это вытеснение боеспособной американской военно-морской силы за пределы первой островной цепи. Сосредоточиваясь на традиционной военной силе, легко вытесняя фрегаты и миноносцы, Китай исходит из незатейливой логики «чем больше — тем лучше», делая ставку на количество, восполняя им изъяны в качестве. Поэтому, когда встанет вопрос о военном балансе, у Китая будет больше кораблей и наступательной огневой мощи, чем у США. Однако перед китайской армией стоит фундаментальная проблема, аналогичная тому вызову, с которым сталкивается Япония. Экономика Китая — производственный конвейер, экспортирующий товары во все страны мира и импортирующий природные минералы и ископаемые, а также аккумулирующий немало прямых иностранных инвестиций: она сильно зависит от морского сообщения. Морские

просторы патрулирует ВМФ США и, поскольку региональные моря оспариваются несколькими странами, Китаю необходимо получить доступ к природным ресурсам, чтобы выйти за пределы американского военно-политического контроля. Этим объясняется поток инвестиций Пекина в российские энергетические проекты на полуострове Ямал, а также стремление создать наземную инфраструктуру во всей Азии, которая будет независима от американской базовой сети.

Усиление Китая неизбежно. Рано или поздно эта страна сможет конкурировать с США по части исследований и разработок военных технологий, а также в области производства военных кораблей. Однако Китаю придётся искать оптимальный баланс: быть страной, бросающей вызов, но при этом фактически не формулировать его и не объявлять о нём — это нежизнеспособная стратегия по сути. США уже не желают соглашаться с претензиями Китая на контроль морской акватории или с его вводом опознавательной зоны противовоздушной обороны. Конфронтация низкой интенсивности, операции по обеспечению свободы навигации и другие военные действия могут рано или поздно привести к кризису. Однако наиболее вероятно возникновение кризиса в отношениях Китая с одной из соседних стран, причём совершенно неожиданное для обеих держав, но с большими стратегическими последствиями. В мировой политике прибыли и потери чаще всего реализуются через такие кризисы, чем через просчитанные гамбиты.

Другое преимущество Китая состоит в том, что, хотя соседние страны могут считать его потенциальной угрозой, никто не считает его державой, способной на проецирование собственного влияния в глобальном масштабе. Китайская военно-экономическая мощь как таковая не воспринимается в качестве угрозы большинством других участников системы международных отношений, и Пекин стремится представить свои амбиции как проект совместного процветания, а не геополитических устремлений. Китай также пытается укрепить свои внутренние фланги за счёт расширения партнёрства с Россией, хотя оно и основывается на серии сделок. Рынок, предлагаемый Пекином, весьма доходный. Китай — это локомотив потребления, который другие страны, включая союзников США, не могут игнорировать. Это даёт возможность Китаю использовать их желание вести торговлю в качестве рычага для получения доступа к технологиям, а также открытия этих стран для деятельности множества организаций, созданных по инициативе Пекина. Вероятный итог — функционирование параллельных экономических, финансовых и правовых институтов, которые не только размывают влияние Запада, но и лишают его нормотворческой силы. Речь идёт

о множестве альтернативных процессов, сосуществующих с нынешним мировым порядком и конкурирующих с ним. В действительности экономическая стратегия Пекина гораздо более дальновидная и многообещающая, чем его военные планы.

Конкурентные стратегии

Цель конкурентных стратегий – вынудить неприятеля расходовать средства в конкретной области конкурентной борьбы. Теоретически этот аспект конкуренции не что иное, как отвлекающий манёвр, когда одна из сторон пользуется имеющимися в её распоряжении преимуществами для достижения собственных целей. Например, США существенно превосходят Китай в области подводных вооружений и возможностей и, следовательно, могли бы обойтись менее дорогостоящими программами для поддержания конкурентных преимуществ, чем их визави. Аналогичным образом Россия давно вкладывает средства в ядерную энергетику и исследования в области ядерных вооружений, что даёт ей значительные преимущества в разработке и развёртывании новых ядерных вооружений, а также в части новейших методов проектирования ядерных систем. Когда какая-либо держава стремится обострить конкуренцию, вполне логично предположить, что она будет искать стратегии, которые окажутся запретительно дорогостоящими для её противников.

Главное преимущество США над Россией – это недостаточная защищённость её бескрайних территорий и отсутствие необходимой инфраструктуры. Используя свою глобальную силу в качестве рычага, США могут подтолкнуть Россию на более существенные расходы для создания военной инфраструктуры в удалённых регионах, таких как Арктика или Дальний Восток. Таким образом ей придётся отвлекать ресурсы и средства от основного театра военных действий в Европе. Решение России разработать целую линейку стратегических вооружений, чтобы обойти противоракетную оборону США, олицетворяет собой незапланированный успех конкурентной стратегии. Хотя это произошло непреднамеренно, Россия, вероятно, потратила немало средств на то, чтобы перехитрить американские системы противоракетной обороны, притом что возможности системы противоракетной обороны крайне ограничены. Возможность того, что Соединённые Штаты когда-либо разместят систему противоракетной обороны, способную защитить их от неприемлемого урона в случае обмена ядерными ударами,

крайне нереалистично, и на данный момент США даже близко не подошли к её созданию. Таким образом, параноя России, проистекающая из менталитета «осаждённой крепости», может нередко подстёгивать гонку обычных вооружений даже в том случае, когда у Москвы имеется значительное преимущество в наступательных вооружениях, таких как стратегическое ядерное оружие.

Вне всякого сомнения, Россия имеет конкурентное преимущество в области ведения непрямых военных действий. Вашингтон уделяет колоссальное внимание политическим или информационным войнам и операциям России, если сопоставить его с фактической действенностью этих усилий. Конкуренция на Балканах – это, наверно, лучший пример этого фарса, так как неясно, чего Россия добилась в этом регионе, если вообще имеет смысл говорить о каких-либо достижениях, и стоит ли что-либо оспаривать в этом регионе. Однако Вашингтон, похоже, твёрдо намерен противодействовать непрямому военным операциям России, хотя можно заподозрить, что между действиями и реальными достижениями есть огромная пропасть. С учётом вышеизложенного можно сказать, что в информационной войне побеждает Россия, несмотря на значительное возмездие Запада в форме экономических санкций и дипломатических демаршей. Фланговые театры военных действий, такие как Ближний Восток, также изобилуют выгодными вариантами и возможностями для превращения России в серого кардинала или кукловода ценой небольших издержек с целью подрыва внешнеполитических усилий США. В этом регионе сокрыты большие возможности для Москвы, которые она может использовать, чтобы вынудить Вашингтон вести с ней диалог на равных и оказывать давление на США, выступая альтернативной силой в данном регионе.

В развитии конкуренции между Китаем и США больше нюансов. Китай, вероятно, сосредоточится на количестве ракет, чтобы сделать передовое базирование нереалистичной задачей для США, хотя Вашингтон может воспользоваться своим значительным преимуществом технологически превосходящей аэрокосмической державы для нейтрализации такого давления. Очертания этой гонки вооружений всё ещё неясны, но на сегодняшний момент представляется очевидным, что Китай заглотив наживку, пытается разработать истребитель пятого поколения, хотя в этой области он отстаёт от США на несколько десятилетий. С развёртыванием подводных лодок стратегического назначения Китай может также приступить к реализации заведомо нереалистичной стратегии ядерного сдерживания на море, опираясь на бастионный подход, взятый на вооружение Советским Союзом. С учётом

превосходства США под водой и неблагоприятного географического положения, Китай вряд ли сможет конкурировать с США в этой области, несмотря на большие расходы на ядерную триаду.

Между тем у Китая есть возможность вынудить США к перенапряжению. Для начала он может создать небольшую, но значительную сеть военных баз по всему миру, чтобы связать американские войска своими операциями, а затем использовать преимущества по паритету покупательной способности для создания масштабных обычных военно-морских сил с акцентом на наступательную огневую мощь. Сосредоточившись на наступательных вооружениях и боевых действиях, Китай может воспользоваться присущей США проблемой предоставления заслуживающих доверия гарантий безопасности своим союзникам в регионе. Американский истеблишмент в сфере национальной безопасности подвержен принятию довольно затратных технологических решений, которые увеличивают общие расходы на оборону. США окажут давление на своих союзников, требуя от них увеличить расходы на оборону и перекладывая бремя сдерживания на средние державы, но одновременно уменьшая их выгоды от альянса с ними. Возможным исходом станет попытка американских союзников в регионе защитить себя, так как они усомнятся в способности Вашингтона выполнить свои обязательства в сфере безопасности с учётом фактического военного баланса сил.

Заключение

После окончания холодной войны система международных отношений формировалась не политикой великих держав, а скорее одной великой державы. Очевидно, эта эра подошла к концу. Однако мир вступает в период неопределённости. Всё более явно проявляется тот факт, что великие и региональные державы не оказывают решающего влияния, что с их военно-экономической силой мало кто считается. Американские кампании в Ираке, Афганистане и Ливии, а также кампания России на Украине демонстрируют, что давление вовсе необязательно становится действенным средством политического шантажа. Странам все труднее использовать жёсткую силу для достижения политических целей. Непонятно, что действительно идёт в счёт и как лучше всего этим воспользоваться. Непонятна фактическая динамика реализации силы и её сущности. Таким образом, система международных отношений не только вступает в период конкуренции между великими

державами, но и в эпоху экспериментирования, имеющую некоторое сходство с межвоенным периодом 1920-х и 1930-х годов.

Хотя этот период постулируется как конкуренция между Россией и Китаем, он определяется таким образом лишь в силу сохраняющегося превосходства американской мощи в системе международных отношений и публичной сдержанности Вашингтона, когда речь заходит о компромиссах. Война между великими державами остаётся не только неправдоподобным, но и практически невозможным сценарием с учётом устойчивого гнёта ядерного сдерживания. Такая война действительно непостижима. Однако отсутствие войны между главными игроками вне всякого сомнения будет компенсировано многочисленными другими конфликтами как следствие развёртывающейся конкуренции. Политические войны, подрывные действия, кибератаки и непрекращающаяся информационная война за право навязать свою версию событий будут привлекать к себе больше внимания, равно как и разрушительные опосредованные войны и кампании сопротивления. Прямая конкуренция будет означать дальнейшую милитаризацию и давление на региональную обстановку, растущую напряжённость и сопутствующие риски военного авантюризма. Отсутствие правил затрудняет задачу снижения рисков. Таким образом, кризис ускорит принятие правил, как это происходило в первые десятилетия холодной войны, когда соглашения заключались вследствие чрезмерного увлечения прямой конкуренцией.

Державы, о которых идёт речь, не могут уничтожить мировой порядок и заменить его новой системой. Установления нового порядка исторически было исключительно следствием войны между великими державами. На самом деле у России нет таких амбиций. Она лишь требует для себя исключений и хочет обеспечить свои региональные интересы, а также получить политическое признание своего статуса великой державы. С другой стороны, Китай требует для себя большего слова в системе международных отношений, и со временем будет претендовать на лидерство в ней, в то же время создавая свои параллельные институты и организации. Меняющийся баланс сил между Китаем и Соединёнными Штатами, а также стратегия геополитического мятежа, взятая на вооружение Россией, указывают на прогрессирующее размывание нынешнего мирового порядка. По мере расширения конкуренции, стабильность в кризисной обстановке будет снижаться, а правила, унаследованные со времён холодной войны, вероятно, потеряют своё значение. Таким образом, характер мирового порядка неминуемо изменится в предстоящие годы, и притом достаточно кардинально, в силу нового баланса сил и как коллективный побочный продукт своекорыстных решений, принимаемых ведущими державами в системе международных отношений.

 [ValdaiClubRu](#)
 [ValdaiClubRu](#)
 t.me/valdaiclub
 [ValdaiClub](#)
 [valdaiclubcom](#)
valdai@valdaiclub.com